

Ли Цинъюй немного брезглив. Хотя это нельзя назвать серьезным расстройством, окружающие стараются уважать его личную привычку.

Раньше в общежитии, кроме Чэн Е, почти никто не мог подойти к Ли Цинъюю вплотную. Это считалось своего рода публичной привилегией Чэн Е.

Чэн Е привык ходить с Ли Цинъюем в обнимку, поэтому по привычке хотел придвинуться ближе, но, потянув его за край одежды, уловил запах пота и остановился. Сохраняя разумную дистанцию, он принюхался:

— Это тот гель для душа с ароматом молока, который мы в прошлый раз вместе купили?

Ли Цинъюй коротко ответил:

— Угу.

Чэн Е растянул губы в улыбке. Ему показалось, что этот запах даже слишком приятный, дурманный — слаще и нежнее, чем все молочные ароматы, что он когда-либо пробовал. Ему даже захотелось подойти ближе и вдохнуть этот запах еще раз.

— Очень вкусно пахнет. Как только домою свой флакон, тоже буду таким пользоваться.

Парни только что закончили играть в баскетбол, и от них сильно пахло потом. Хотя Чэн Е не пытался намеренно выпускать феромоны, через пот они все равно немного просачивались наружу.

Ли Цинъюй невольно нахмурился.

Чэн Е решил, что тот по-прежнему недоволен запахом пота:

— Я сначала схожу в душ, а потом вместе ходим куда-нибудь поесть.

Место для ужина выбрали в недавно открывшемся торговом центре.

Сюй Вэйжань увидел в приложении, что в одном из ресторанов хот-пота проходит акция — по студенческому билету скидка сорок процентов, поэтому решили идти туда.

Официант принес меню. Гу Линь передал его Ли Цинъюю, но Чэн Е перехватил его на лету и, взяв ручку, принялся делать пометки.

Он черкал в меню и попутно спрашивал:

— Все ведь острое едят?

Сюй Вэйжань:

— Да.

Гу Линь тоже кивнул:

— Ем.

Чэн Е тут же выбрал вариант с экстремальной остротой.

Сюй Вэйжань спросил:

— А чего ты у своей женушки не спросил?

Чэн Е мгновенно нашелся:

— Что ты понимаешь? У нас в семье главный — мужчина. Сяо Юй во всем берет с меня пример: что ем я, то ест и он.

Сюй Вэйжань издал насмешливое «хе-хе», снова став свидетелем их показухи.

Гу Линь вставил:

— Сяо Юй в последнее время неважно себя чувствует.

Чэн Е замер, затем обернулся и заказал котел с двумя видами бульона, заменив экстремально острый на слабоострый.

Чуть не забыл: когда Ли Цинъюю нездоровится, его желудок становится очень чувствительным, и от острого легко может случиться расстройство.

Хот-пот подали, заказали еще несколько бутылок пива.

Сюй Вэйжань поднял телефон и остановил остальных:

— Погодите, погодите, никто не трогать! Дайте сначала сфотографирую.

Гу Линь поторопил:

— Давай быстрее, сфотографировал уже, мочи нет терпеть.

— Куда спешишь? Хот-пот никуда не убежит. Сяо Юй, вытяни руку чуть вперед.

— Чэн Е, ты-то куда лезешь? Кому нужны твои лапищи? Нам нужна чистая, красивая и белая рука Сяо Юя.

Повозившись некоторое время, Сюй Вэйжань наконец сел на место:

— Вот это хорошо, это отлично. Я еще фильтр наложил — просто загляденье. Сейчас я их всех дразнить буду!

Сказав это, он выложил фото в соцсети с геолокацией.

Гу Линь заглянул в свой телефон и выругался:

— Черт! Сяо Юй, этот гад использует твою руку, чтобы пускать пыль в глаза!

Сюй Вэйжань тихо чертыхнулся:

— Забыл скрыть от вас.

Судя по тону, это был далеко не первый раз, когда он занимался подобным мошенничеством.

Гу Линь поднес телефон к самому лицу Ли Цинъюя, через плечо Чэн Е. Тот тоже увидел пост.

В комментариях писали:

«Чья это рука, какая красotka? Вэйжаню несказанно повезло!»

«Я бы эту руку целый семестр облизывал, слюнки текут, как же вкусно~»

«Почему лицо не сфоткал? Так хочется посмотреть на красавицу!»

«Вэйжань, ты хочешь похвастаться хот-потом? Нет, ты хочешь похвастаться своей парой!»

Комментарии сыпались один за другим, и Сюй Вэйжань буквально светился от самодовольства.

Он отвечал на каждый:

«Когда станешь таким же красавчиком, как я, тогда и познакомишься с такой потрясающей парой».

Ли Цинъюй: ...

Чэн Е смотрел на это, нахмурившись, и сурово произнес:

— Больше не давай ему свои руки фотографировать.

Сюй Вэйжань:

— Ну не надо так, Чэн Е. Ты слишком уж закручиваешь гайки, даже у влюбленных должно быть личное пространство.

Чэн Е огрызнулся с усмешкой:

— Какое еще к черту личное пространство!

Гу Линь пролистал ленту и наткнулся на пост Ши Яньпина:

— Этот Ши Яньпин — просто негодяй! Зовешь его гулять — не идет, говорит, что помогает младшекурснице чертежи делать.

Сюй Вэйжань поддакнул:

— Подлиза, подлиза, в итоге останется ни с чем! Кстати, Чэн Е, на вечеринке в честь первокурсников к тебе же тоже подходила младшекурсница, номер просила. Ну и как успехи?

Чэн Е:

— А как еще? Никак.

— О-о-о, посмотрите на него, какой гордый. Только что тут права заявлял, а сам то и дело позволяешь себя соблазнять. Не боишься, что наш Сяо Юй расстроится?

Чэн Е взглянул на сидевшего рядом Ли Цинъюя, обнял его за плечи и притянул к себе:

— Что ты понимаешь? Все эти люди — лишь прохожие, в моем сердце навсегда только Сяо Юй.

Сюй Вэйжань притворно вздохнул:

— Ц-ц-ц, ну ты даешь: снаружи флаги пестрят, а дома знамя не падает.

Ли Цинъюй знал, что Чэн Е очень популярен — они были одноклассниками еще со средней школы.

Тогда они не были близки, но Ли Цинъюй знал, что уже в те времена многие подкладывали Чэн Е любовные письма в парту. В старших классах многие просили Ли Цинъюя передать ему записки.

Тот Чэн Е говорил, что хочет сосредоточиться на учебе, поэтому отказывал всем. Ли Цинъюй даже испытывал некоторое облегчение.

Но в университете таких оправданий больше не было.

С самого первого курса отбоя от поклонников не было: и старшекурсники, и младшекурсники — все искали повод обратиться к нему за помощью. А поскольку характер у Чэн Е был легкий и он никому не отказывал, это привлекало еще больше людей.

Подшучивать над Чэн Е стало обычным делом в комнате 401. Казалось бы, пора очерстветь и привыкнуть. Но сколько бы раз Ли Цинъюй это ни слышал, сердце каждый раз сжималось от боли.

Он лучше других понимал: у них с Чэн Е ничего не может быть. Чэн Е терпеть не может омега-мужчин и никогда не влюбится в друга.

Однажды, когда в Чэн Е влюбился их общий знакомый, с которым они дружили с начальной школы, Чэн Е просто заблокировал его везде и удалил, не оставив ни единого шанса.

Но каждый раз, когда Чэн Е говорил, что у него есть только он, в сердце Ли Цинъюя разливалась сладость, появлялась надежда.

Даже если это была лишь шутка.

Но когда слова исходят от любимого человека, даже шутки кажутся особенными, обретая глубокий смысл.

Он закусил губу, отстранился от Чэн Е и встал:

— Я схожу в туалет.

Рука Чэн Е, только что обнимавшая его, повисла в воздухе, и на душе стало как-то беспокойно.

Туалет в самом ресторане был на ремонте, но в торговом центре уборные были на каждом этаже. По указанию официанта Ли Цинъюй вышел в общий коридор.

Когда он мыл руки, телефон завибрировал. Пришло уведомление о банковском переводе.

«Уважаемый клиент: 21 сентября в 13:29 на ваш счет (окончание xxxx) зачислено 3000 юаней. Баланс: 29001.3».

Вскоре пришло голосовое сообщение от тети. Ли Цинъюй нажал на воспроизведение:

— Сяо Юй, я только что перевела тебе три тысячи. Гуляй почаще, сходи с однокурсниками куда-нибудь вкусно поесть, береги себя, слышишь?

Раньше он не знал о положении дел в семье, и ладно, но теперь, когда узнал...

Ли Цинъюй невольно сжал телефон, и на душе стало еще тяжелее.

Торговый центр сиял огнями. Чтобы привлечь посетителей, на первом этаже устроили световую выставку, которая продлится неделю, — она притянула множество интернет-знаменитостей для фотосессий.

Именно поэтому здесь было полно красивых парней и девушек, многие из которых с камерами в руках снимали друг друга.

Но среди этой толпы выделялся один мужчина: широкие плечи, длинные ноги, пропорции тела как у супермодели, а черты лица настолько безупречны, что он притягивал все взгляды. Благодаря его властной ауре люди невольно расступались, когда он проходил мимо.

Чэн Вэй приехал сегодня проинспектировать работу нового центра. Ответственный менеджер следовал за ним по пятам, докладывая о делах. Чэн Вэй все время сохранял каменное выражение лица, из-за чего менеджер говорил с осторожностью, боясь даже лишний раз вздохнуть.

Теперь вся компания сверху донизу знала, что симбионт Чэн Вэя сбежал и его местонахождение до сих пор неизвестно.

У каждого скрытого симбионта есть проблемы со здоровьем: у кого-то бессонница, у кого-то психологические расстройства, а у Чэн Вэя — периодические нервные срывы. Раньше это не сильно мешало жизни, но с тех пор как он встретил симбионта с высокой совместимостью феромонов, симптомы обострились, добавились вспыльчивость и нарушения сна.

Подчиненные Чэн Вэя знали его характер: внешне он всегда любезен, но в делах предпочитает иной подход. Раньше он хотя бы сохранял вежливый вид, но теперь из-за негативного влияния разлуки с симбионтом он был как пороховая бочка — многие руководители высшего звена уже были доведены им до слез. Поэтому сейчас все вели себя предельно осторожно.

Был уже час дня, все проголодались, но никто не смел и слова сказать, вынужденно продолжая сопровождать Чэн Вэя.

Чу Куан, умевший читать ситуацию, обнял Чэн Вэя за плечи:

— Уже час дня, давай сначала пообедаем.

Сотрудники, включая менеджера, посмотрели на него с благодарностью.

Чэн Вэй взглянул на часы и только тогда понял, что время уже позднее. В последнее время его чувства притупились, он даже перестал ощущать голод. Раньше у него был строгий режим, и обед всегда был не позже часа.

Он обернулся и распорядился:

— На сегодня хватит. Все свободны, идите обедать.

После этих слов все почувствовали себя помилованными.

Чу Куан выбрал западный ресторан на третьем этаже.

— Только ради тебя я иду есть эту ерунду, а так бы уже давно занырнул в хот-пот напротив.

Чэн Вэй был человеком крайне привередливым. С тех пор как Чу Куан его знал, он постоянно поражался его занудству. Хот-пот или шашлык для Чэн Вэя были чем-то из области фантастики.

В студенческие годы был популярен термин «понторез» — он был будто создан для Чэн Вэя.

Чэн Вэй заказал пару блюд, и Чу Куан остолбенел:

— Ты серьезно? Только это будешь есть?

Чэн Вэй пригубил кофе, чтобы взбодриться, — даже этот жест был невероятно изящным.

Каждое его движение кричало о том, что он пытается казаться лучше других.

За соседним столиком девушки украдкой фотографировали его. Один смазливый омега набрался смелости и подошел попросить номер телефона, но феромоны персика, которые тот намеренно источал, вызвали у Чэн Вэя лишь гримасу отвращения.

Чу Куану же этот аромат показался приятным, и он сам просканировал визитку омеги:

— Ничего, я добавлю.

Омега понял, что у Чэн Вэя ничего не выйдет, но Чу Куан, хоть и проигрывал ему внешне, тоже был альфой из тысячи, поэтому остался доволен и удалился.

Когда омега ушел, Чэн Вэй спросил:

— С каких это пор ты интересуешься мужчинами?

Чу Куан ответил:

— Прости, перед лицом красоты, будь то мужчина или женщина, моя ориентация подвижна.

Он словно что-то вспомнил:

— Кстати, в день твоего рождения там был один парень, очень симпатичный, в белой футболке и джинсах, такой приметный. Жаль, тогда было слишком много красавиц, я не успел подсуетиться, до сих пор жалею.

Тон Чэн Вэя внезапно стал тяжелым:

— С ним не выйдет.

Чу Куан просто болтал, но, увидев такую реакцию, заинтересовался:

— Почему это не выйдет?

— Он бета.

Чэн Вэй сжимал стакан левой рукой, медленно вращая его, а блики на стеклах очков скрывали выражение его лица.

— К тому же, у него уже есть тот, кто ему нравится.

<http://bllate.org/book/21235/2148487>